

ПЕРЕХОД В ПОТУСТОРОННИЙ МИР В ТРАДИЦИОННЫХ ПРЕДСТАВЛЕНИЯХ БЕЛОРУСОВ

В.А. Есис

Белорусский государственный университет, г. Минск;

his.esis@bsu.by;

науч. рук. – Е. Г. Денисова, канд. ист. наук, доц.

Представления о загробной жизни и смерти являются одними из самых древних, а ритуалы, связанные с переходом в иной мир – одними из самых устойчивых и строго регламентированных. На территории Беларуси на протяжении истории наблюдалось смешение разных этнических групп и, соответственно, разных культур, мифологических верований и религиозных систем. Особенно следует отметить представления о модели устройства мира, похоронные ритуалы и т.д. Целью данной работы является рассмотрение перехода в мир мертвых в традиционных представлениях белорусов.

Ключевые слова: загробная жизнь; переход в мир мертвых; Мировое древо; Мировая гора; хтонические существа.

Во многих культурах мира связь между живыми и мертвыми осуществлялась посредством Мирового древа – «древа жизни», «древа плодородия», «древа познания» и т.п. [10, с. 398]. Сложно сказать, какое дерево в представлениях племен восточных славян, населявших территорию Беларуси, являлось Мировым, но можно предположить, что это был дуб. Так, данные фольклора свидетельствуют о том, что дуб для славян являлся священным деревом. Интересным является тот факт, что на территории Беларуси в местах, где размещались курганы, часто встречаются названия, которые происходят от слова дуб: Дубовица, Дубки, Дубняк и т.д. Также следует подчеркнуть, что слонимский каменный идол был найден в урочище Дубы, а остромечевский идол – в урочище Дубовый Грудок [3, с. 23].

Возможно, представления о Мировой горе проникают на территорию Беларуси вместе с балтским населением. Так, в Летописи Красинского XVI в. содержится описание похорон великого князя литовского. Этот отрывок интересен нам по нескольким причинам. Во-первых, здесь есть упоминание о Мировой горе; во-вторых, мы видим связь между представлением о Мировой горе и загробной жизнью; в-третьих, на языческие верования, которые описываются в данном отрывке, накладываются христианские представления самого летописца.

Как свидетельствует летопись: «И сын его Кгирмонт... подлуг приказанья отца своего на том мьестци, на устьи реки Вилии, где у Велю упадываеть, вчинили жьглищю, и там тьло отца своего, и коня его, на котором ежчивал, шату его, которую пошивал, и милосника его, на которого

он ласков был, и соколо, и хорта его сожог» [6, с. 131–132]. С тех пор, по словам летописца, это место прозвали «Швинторога», по имени того князя, а «коли которого князя литовского або пана сожжено тьло, и при них кладывали ногъти або рыси або медвежьи для того, иж мели върутую, иж бы день судный мел быти, а так знаменовали себе иж бы бог мел приитии седъти на горе высокои, судити живых и мертвых, на которую ж гору трудно будет узоитибез ногтеи тых рысих або медвежих, и для того подле них те ногти кладывали, на которых мели тую лезти и на суд до бога идти» [6, с. 132]. Швинторог – полулегендарный литовский князь, сын князя Утэнаса, княжение которого Хроника Литовская и Жемойтская относит к 1299–1300 гг. [9, с. 566].

Интересно упоминание о дне, когда бог будет сидеть на горе и судить живых и мертвых. Автор летописи Красинского подчеркивает, что хоть князья и «погани были», а все-таки верили в единого бога и имели представления о Судном дне. В летописях также сказано, что на месте захоронения Швинторога было построено святилище Перкунаса – бога грома и молний, близкого славянскому Перуну, который с X в. почитался как покровитель воинов, дружины и князей. Возможно, данное событие связано с тем, что здесь хоронили исключительно знатных людей, а именно князей и панов.

И Мировое древо, и Мировая гора представляют собой связь, соединяющую мир живых и мир духов. Именно поэтому, как было показано ранее, они довольно часто упоминаются в связи со смертью и загробной жизнью.

Неясными остаются представления восточных славян о самом процессе перехода в загробный мир. Однако в белорусском фольклоре сохранились упоминания о мосте, через который души переходят в мир мертвых. Этот мост может быть как широким, так и узким, как волос. Чтобы обеспечить себе переправу на тот свет, люди еще при жизни соблюдали определенные обычаи. Так, считалось, что если повитуха не одарит новорожденного пояском, то ему придется переходить разделяющую миры реку вброд. После выпечки хлебов, чтобы печь не пустовала, хозяйка бросала в нее три полена в надежде, что они послужат ей «мостками» при переходе на «тот свет».

С этим также связан поминальный обычай настилать мостки. Например, в Гродненской губернии в один из поминальных дней родственники умершего в болотистых местах сооружали мощные переходы, чтобы каждый проходящий по настилу помянул бы покойного. В других вариантах этого обряда мостки сооружались лишь в память по умершим женщинам: на следующий день после сорокадневных поминок в лесу срубали сосну, обтесывали ее и везли возом в назначенное место, где

перекидывали через ручей, топкое место, ров и обозначали на стволе время смерти родственницы [1, с. 305]. А. Киркор писал: «...при дорогъ, на болотистом мѣсть или же на ручейкѣ, черезъ который проходить дорожка, кладутъ бревно или доску; на нихъ вырѣзають крестъ, башмакъ или серпъ, на нѣкоторыхъ помѣчаютъ и годъ кончины» [4, с. 282]. Точно также настилали мостки в случае эпидемий, чтобы отправить болезни обратно в потусторонний мир. Следует отметить, что в некоторых снотолкованиях переход по мосту служит дурным знаком. Так, на Полесье считалось, что если человек во сне переходит через мост, то его ожидает беда, смерть близких [1, с. 305].

Считалось, что пока погребение не совершено, душа покойного будет бродить вокруг по деревьям. Только после проведения всех необходимых обрядов и должных приготовлений, снабжения покойного определенными предметами, она по пути душ (Млечный путь или радуга) сможет попасть в мир духов [5, с. 433].

Переход в мир мертвых и связь с ним в народных представлениях часто связывался с некоторыми хтоническими существами, например, мышами. Мышь воспринималась как посредник между мирами, существо, способное мгновенно исчезать в одном мире и тут же появляться в другом [11, с. 43]. В облике мышей белорусы представляли души умерших, которые питаются ночью недоеденным хлебом. Так, в Витебской области существовало поверье, что, если кошка поймает такую мышь, то дому грозят бедствия за гибель предка [2, с. 348]. Более того, в восточнославянских культурах Млечный путь – дорога, по которой души попадают в мир мертвых, – мог носить название «Мышиная тропа» [11, с. 43].

С представлениями о смерти связан также образ коня. По археологическим данным конь, наряду с собакой, был главным жертвенным животным на похоронах, проводником на «тот свет». В соответствии с двойственной природой коня амбивалентными свойствами наделяется конский череп в ритуале. Например, на Полесье известен ритуал сожжения на купальском костре черепа лошади, как воплощения «ведьмы», смерти и т. п. В то же время, у славян было распространено использование конского черепа в качестве оберега [7, с. 590-591]. Н. Я. Никифоровский упоминал о поверье, существующем в Витебской губернии, что душа покойника попадает в коня, поэтому на коне не работали несколько дней после смерти человека [8, с. 253].

Таким образом, на основании всего вышесказанного, мы можем прийти к выводу, что в основе представлений о переходе душ в потусторонний мир у населения белорусских земель лежали представления об устройстве мира в целом. На территории Беларуси были распространены

и концепция Мирового древа, и концепция Мировой горы. Переход в мир мертвых осуществлялся по мосту, наличие которого человек стремился себе обеспечить еще при жизни. На основании фольклорных данных можно утверждать, что в качестве посредников между мирами могли выступить хтонические существа, в частности, мыши и кони.

Библиографические ссылки

1. *Виноградова, Л. Н.* Мост/ Л. Н. Виноградова// Славянские древности: этнолингвистический словарь: в 5 т. / М: Российская академия наук, Институт славяноведения и балканистики. Т. 3: К (Круг) – П (Перепелка) / [Т. А. Агапкина, О. В. Белова, М. М. Валенцова и др.], 2004: ил. – С. 303-307.
2. *Гура, А. В.* Мышь/ А. В. Гура// Славянские древности: этнолингвистический словарь: в 5 т. / М: Российская академия наук, Институт славяноведения и балканистики. Т. 3: К (Круг) — П (Перепелка) / [Т. А. Агапкина, О. В. Белова, М. М. Валенцова и др.], 2004: ил. – С. 347-349.
3. *Дучыц Л. У.* Археалагічныя помнікі у назвах, вераваннях і паданнях беларусаў/ Пад. рэд. М. А. Ткачова. – Мінск: Навука і тэхніка, 1993. – 59 с.: іл.
4. Живописная Россия: Отечество наше в его зем., ист., плем., экон., и быт., значении: Литов. и Белорус. Полесье: Репринт. воспроизведение изд. 1882 г. – Минск: БелЭн, 1993. – 550 с.: илл.
5. Иллюстрированная история религий / Под ред. Д. П. Шантепи де ля Соссей. Т. 2: Индия: ведийская и браманская религия. Джайнизм. Буддизм. Индуизм. Персы: зороастризм. Авеста. Греки. Римляне. Балты и славяне. Германцы. – М.: Российский фонд мира, 1992. – 526 с.: ил.
6. *Летопись Красинского*// Полное собрание русских летописей: летописи белорусско-литовские. Т. 35/ Н.Н. Улащик [и др.]. – М.: Наука, 1980. – С. 128–144.
7. *Петрухин, В. Я.* Конь/ В. Я. Петрухин//Славянские древности: этнолингвистический словарь: в 5 т. / М: Российская академия наук, Институт славяноведения и балканистики. Т. 2: Д (Давать – Брать) – К (Крошки) / [Т. А. Агапкина, О. В. Белова, М. М. Валенцова и др.], 1999: ил. – С. 590-594.
8. *Прохараў, А.* Конь/ А. Прохараў// Беларуская міфалогія: Энцыклапед. слоўн./ С. Санько, Т. Валодзіна, У. Васілевіч і інш. – Мінск: Беларусь, 2004. – С. 252-254.
9. *Прохараў, А., Санько С.* Швінтарог/ А. Прохараў, С. Санько// Беларуская міфалогія: Энцыклапед. слоўн./ С. Санько, Т. Валодзіна, У. Васілевіч і інш. – Мінск: Беларусь, 2004. – С. 566-567.
10. *Топоров, В. Н.* Древо Мировое/ В. Н. Топоров// Мифы народов мира: Энциклопедия. (В 2 томах)/ Гл. ред.: С. А. Токарев. – М.: Советская Энциклопедия, 1987. – Т. 1. А – К. с ил. – С. 398-406.
11. *Kuzmin, Andrey* Murine Symbolism in Magic Ceremonies: Reconstruction of Archaic Ideas Concerning the Milky Way/ Andrey Kuzmin// Cultural context from the archaeoastronomical data and the echoes of cosmic catastrophic events. Abstracts submitted for the SEAC 2002 Tenth Annual Conference, 27–30 August in Tartu, Estonia. – Tartu: Estonian Literary Museum & Tartu Observatory, 2002. – S. 43.